Гридинский вариант передает эпизод несколько иначе: «Вот Илья Муровец поехал в чистополье искать себе коня. Идет пастух, гонит лошадей. Илья Муромец говорит пастуху: „Давай-ка мне лошадку, ту, котора у тебя лучше в стаде". Пастух отвечает: „Выбирай сам, которая тебе нравится". Илья Муровец выбрал себе лошадь, ту, которая ему нравилась».

В указанной выше сказке И. К. Лопинцева припоминания из «Еруслана» и прямое смешение Ильи Муромца с Ерусланом Лазаревичем наблюдаются и в дальнейшем ходе повествования: встреча Ильи в шатре на поле с богатырем, с которым он после поединка братается и едет вместе против Соловья-разбойника (эпизод встречи Еруслана с Иваном, русским богатырем); драка коней Ильи и этого богатыря у яслей с кормом; наименование неузнанного сына Ильи Ерусланом; возвращение с ним Ильи к матери Еруслана — Вахрамеевне.

К отголоскам «Еруслана», мне думается, следует отнести в кулойско-мезенской традиции некоторые детали местной разработки сюжета об Илье Муромце и Сокольнике, в былинах других районов не встречающиеся: предысторию о детстве Сокольника, о том, что другие дети бранят его «заугольником» (это и побуждает его ехать отыскивать отца), и эпизод узнавания сына по перстню,[17] а также благополучный исход встречи Ильи Муромца с сыном в двух мезенских вариантах.[18]

По-видимому, из «Еруслана» перенесен в один из рукописных пересказов XVIII в. былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике эпизод богатырских «шуточек» (кого возьмет за руку — руку оторвет и т. д.) в применении к Илье.[19] Эпизод этот, передающий огромную мощь молодого богатыря, не умеющего или не желающего соизмерять свои силы, является общим эпическим местом и встречается в ряде былин; органически вошел он, например, в былину о Василии Буслаевиче, где он соответствует общей характеристике героя. Но это изображение настолько противоречит всему облику Ильи Муромца, что вряд ли могло попасть в запись непосредственно из устной традиции. Кстати, в изустных записях этот мотив применительно к Илье нигде не встречается. Поэтому скорее всего можно предположить, что здесь произошло смешение Ильи Муромца с Ерусланом Лазаревичем: такие «шутки шутит» молодой Еруслан, и это является причиной изгнания его из царства Картауса (Киркоуса).

Кроме отдельных деталей и эпизодов, перенесенных из «Еруслана» в былинный эпос и в сказки об Илье Муромце, встречаем попытки ввести всю повесть о Еруслане или отдельные ее части в круг былинных сюжетов.

О том, что «Еруслан» как будто распевался в виде былины, имеются указания еще у А. Д. Григорьева, который слышал об этом от разных сказителей Пинеги и Кулойско-Мезенского края.[20] Подводя итоги особенностям кулойско-мезенской традиции, он писал: «...здесь хорошие певцы настолько хорошо владеют эпическим стихом, что готовы переложить в стихи переводную сказку о Еруслане».[21]

---

[17] См.: Григорьев, II, №№ 76 и 87; III, №№ 42, 64, 85, 88; Былины Севера, т. II, № 40.

[18] Григорьев, III, №№ 85, 88. Не останавливаюсь на обосновании этих предположений ввиду невозможности сделать это в настоящей краткой заметке.

[19] История о славном и о храбром и силном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье Разбойнике. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 242—246. Тождественные тексты: Этнография, 1927, № 1, стр. 109—113 и неопубликованный из собрания Титова, № 3315 (ГПБ).

[20] См.: Григорьев, I, стр. 148, 309; III, стр. 130——131.

[21] Григорьев, II, стр. 27.